

Особые дети: кто они?

Год назад Аню (имя изменено) готовили к оформлению в Гайский дом-интернат для умственно отсталых. Потенциальным приёмным родителям говорили о том, что ребёнок – просто овощ и общение с ней будет состоять только из смены памперсов.

Ольга Каширская, начальник отдела опеки управления образования Оренбургского района

Светлана Дубовенко, заместитель директора по воспитательной и реабилитационной работе Гайского детского дома-интерната

Екатерина Тропынина, начальник отдела охраны прав детей и специального образования министерства образования Оренбургской области

И всё-таки судьба распорядилась так, что девочку взяли в семью и увезли в Москву. Сейчас она живёт у многодетной мамы Светланы Строгановой, танцует и поёт и, возможно, пойдёт в обычную школу.

О том, почему брошенные дети с задержкой психического развития, с серьёзными патологиями редко находят семьи, наш сегодняшний разговор.

Ольга КАШИРСКАЯ, начальник отдела опеки управления образования Оренбургского района:

– Дело в том, что такие дети требуют постоянного контроля день и ночь. Поэтому большинство тех, кто к нам приходит, просят только здоровых детей. Был один случай, когда пришла мама, у которой уже есть тяжелобольной ребёнок и муж-инвалид. Она тоже хотела здорового ребёнка, объясняя это тем, что сейчас она в постоянном напряжении, а с обычным ребёнком могла бы отдохнуть.

Екатерина ТРОПЫНИНА, начальник отдела охраны прав детей и специального образования министерства образования Оренбургской области:

– Нельзя только из жалости брать больного ребёнка. И действительно, особых детей под опеку берут нечасто. Им нужно особое внимание, чтобы они смогли просто встать на ноги или хотя бы научиться обслуживать себя.

У нас есть государственный банк данных, в нём представлены 1135 детей, которых можно взять под опеку или усыновить. Из них 440 – инвалиды. В прошлом году количество ребят в банке данных уменьшилось на 26 процентов, в этом – на 10 по той причине, что у нас всегда в приоритете было их устройство в семью.

На протяжении многих лет в Оренбургской области в семьях воспитывается около 80 процентов детей, оставшихся без попечения родителей, а сейчас даже больше.

Анна МЕЖОВА, президент областного благотворительного фонда «Сохраняя жизнь»:

– Прежде всего это проблема общества. Что слышат от родных, друзей и знакомых родители малыша с тяжёлыми патологиями? «Зачем тебе это надо? Придётся искать миллионы на операции. Ребёнка негде будет учить».

Екатерина ТРОПЫНИНА:
– Я хотела бы возразить по поводу образования. В наших коррекционных школах есть классы для детей с синдромом Дауна, аутичных детей. Такие же классы созданы на базе

оренбургского педагогического колледжа. В детских садах существуют группы компенсирующего развития. Другой вопрос: готов ли ребёнок посещать конкретное образовательное учреждение? Ведь нужно работать не только с ребёнком, но и с родителями, бабушками и дедушками. Вся семья должна осознавать, какие есть пути помощи, реабилитации и развития их малыша.

Отец Александр (АЗАРЕНКОВ), помощник митрополита Оренбургского и Саркатышского Вениамина:

– Беда в том, что мы смешиваем понятия духовности и нравственности. С виду приличный и добрый человек не всегда оказывается таковым внутри. Поэтому и мало желающих взять особых детей. Церковь и общество совместно должны растить будущих особых родителей. Именно так я назвал бы тех, кто берёт в семью больных ребят. Они тоже особые. Не так давно я побывал в Москве в Марфо-Мариинской обители. Дети-колясочники там настолько адаптированы к жизни, что я был потрясён. Мы бы тоже хотели принимать таких детей. Стационарно можем разместить десять мам с больными ребятами. Но пока к нам обратились только две мамы.

Светлана ДУБОВЕНКО, заместитель директора по воспитательной и реабилитационной работе гайского детского дома-интерната:

– Мы постоянно работаем с мамами, которые привозят к нам своих детей. Но вы знаете, гораздо большего эффекта мы достигли после выхода фильма орского священника Сергея Баранова, который является председателем попечительского совета дома-интерната. После просмотра в кровные семьи забрали троих детей и одного передали в приёмную.

Анна МЕЖОВА:

– Приёмной мамой того самого мальчика стала оренбурженка Ирина. Я знаю, чего ей это стоило. Чиновники из опеки твердили ей о том, что ребёнка она берёт необдуманно и вскоре вернёт. Дело дошло до суда. И только тогда она смогла забрать мальчика. Прошло больше года, и ребёнка просто не узнала. Заболевание осталось, но он стал более общительным и уверенным в себе. Я его видела вместе с мамой на губернаторской ёлке.

Екатерина ТРОПЫНИНА:
– Работник органа опеки обязан рассказать потенциальным родителям о всех заболеваниях ребёнка,

предупредить о возможных трудностях, связанных с воспитанием и лечением, чтобы не получилось так, что информация была неполной, и разочаровавшиеся родители через полгода возвращают ребёнка назад.

Светлана СТРОГАНОВА, москвичка, мама Ани:

– Я считаю, что работники опеки не должны давать оценку состояния ребёнка. Они не врачи, не психологи. От них кандидаты в приёмные родители ждут чёткого диагноза. А у меня было так. Сказали, что родители девочки стоят на учёте, и патология у малышки психического характера. Я спросила: «На каком учёте и с чем?» Выяснилось, что родители – алкоголики, и ни о каком психическом заболевании ни у них, ни у девочки речи нет. Когда я её забирала, она говорила с десяток слов и могла с моей помощью пройти всего несколько шагов. Теперь она самостоятельно ходит, рассказывает сказки и готовится к школе. Ребёнок оказался интеллектуально сохранным.

Наиля ДОБРЫНИНА, мама особого ребёнка из посёлка Чебеньки Оренбургского района:

– Кроме доброго сердца потенциальным приёмным родителям нужно реально оценить условия, где они хотят воспитывать особого ребёнка. У меня на тот момент в доме не было санузла, воды, да и площадь небольшая. Но мальчик настолько запал в душу, что мы продали корову, быка, тёлочку, свиней, собрали деньги и начали всё благоустраивать. Расширили, пристроили кухню, сделали отдельную спальню. К этому тоже надо быть готовым.

Светлана ДУБОВЕНКО:

– От частых посетителей нашего дома-интерната, представителей грузинской православной церкви, мы знаем о том, что в Грузии вообще нет приютов, детских домов и интернатов. То есть с любыми заболеваниями дети остаются в семье. Мы, россияне, к сожалению, об этом можем только мечтать. Да, в нашем доме-интернате дети счастливы. Но всё равно каждому из них хочется иметь маму.

Отец Александр:

– Знаете, наверное, не детей надо называть больными, а нас – временно здоровыми. От того, что и ради чего мы делаем в этой временной жизни, зависит главное – духовная чистота в вечности.

Инна ЛОМАНЦОВА
Фото Валерия ГУНЬКОВА

Отец Александр (Азаренков), помощник митрополита Оренбургского и Саркатышского Вениамина

Анна Межова, президент областного благотворительного фонда «Сохраняя жизнь»

Светлана Строганова, москвичка, мама Ани

Наиля Добрынина, мама особого ребёнка из посёлка Чебеньки Оренбургского района